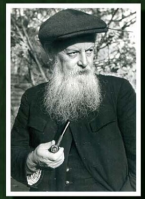

Павел Бажов

Дальнее-Близкое

ФТМ

Павел Петрович Бажов
Дальнее-Близкое

NVE, jurgennt
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168301
Собрание сочинений в трех томах. Том третий: Государственное Издательство художественной литературы; Москва; 1952

Аннотация

«Любому из подростков было известно, что до города сорок семь верст, что самое трудное место в дороге – кривой Шеманаев угор, а в городе – „железный круг“ и „привокзальная топесь“. На „железный круг“ и „топесь“ была заметная прибавка провозной платы, но каждый из возчиков железа старался „выхватить езду в лавку“…»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 16

Павел Бажов
Дальнее-Близкое

Вся[1] выработка нашего завода отправлялась в город. Его обычно не называли.

Любому из подростков было известно, что до города сорок семь верст, что самое трудное место в дороге – кривой Шеманаев угор, а в городе – «железный круг» и «привокзальная топесь». На «железный круг» и «топесь» была заметная прибавка провозной платы, но каждый из возчиков железа старался «выхватить езду в лавку».

«Лавка», или, как ее официально называли «склад металлов Сысертских заводов», была «с ходу», вблизи Хлебного рынка.

– Удобство – в лавку-то, – хвалились возчики. – Сдача маховая, успевай по весам пропустить. Приказчик за одним глядит: не убавлено ли дорогой. А как его убавишь, коли кровельное да прутовое в пачках, а шинное – в сгибнях. Попробуй отгрызи! Да и всякому лестно другой раз езду в лавку получить. Сторожатся, чтобы оплошки не вышло. Глядишь, сдача-то вприскочку идет. Сдал – и сразу на Хлебный. Рас-

---

[1] Вторая автобиографическая повесть, являющаяся продолжением «Зеленой кобылки».Первый набросок повести был дан П. Бажовым в очерке «Наш город (Воспоминания о Екатеринбурге-Свердловске)», опубликованном в сборнике «Свердловск», Свердлгиз, 1945. В законченном виде повесть вышла отдельным изданием в «Библиотеке „Огонек“», издательство «Правда», № 2–3, 1949.

пряг лошадь, поставил к хрептюгу, а сам можешь горяченького хлебнуть, коли пятак имеешь: Обжорный рядом.

Совсем по-другому рассказывали о привокзальных складах:

– Хуже места выбрать не нашли. Дальше лавки-то версты на три, и сдача там самая канительная: один принимает, другой проверяет, а третий хабару ждет. В ненастье там чистый конобой. Место, видишь, ровное, стоку воде не налажено, а подвоз большой. В ненастье до того растопчут, что напросто еле ноги вытянешь из грязи. А с возом как? Старику либо женщине, о маленьком не говоря, при таком деле никак не сподручно. Да еще машина свистит. Какая молоденькая лошаденка шарахнется – других всполошит. Знай посматривай, а то и себя и животину загубить недолго, особливо, когда близко «крестовые воза», с долгим железом, придутся. С народом тоже рассорки много. Всяк, понятно, старается захватить для себя и своей артели место поближе. Ну и лаются, а иной раз и до кулаков дойдет. Сдашь железо, так еще сколько времени выбираешься, потому дорога заставлена вновь приехавшими. А ездят с дальних заводов большими артелями, человек по полсотни. Сговорись с ними добром, когда у каждого одно на уме: как бы поскорее к весовщикам пробиться! Сколь ни худая дорога порой случится, а этот железный круг того тошней. Выберешься из него, как из шахты вылезешь.

Вероятно, этот «железный круг» был одной из причин, по-

чему ребята школьного возраста даже в тех семьях, где исключительно занимались возкой железа, почти не бывали в городе. По крайней мере на своей улице я не знал ни одного из ровесников, который бы мог похвалиться, что бывал в городе.

Все мы, конечно, интересовались городом, но слышали больше об одном: лавке и железном круге. Женское население, бывавшее в городе главным образом во время послепасхальных «дешевок», когда спускался залежавшийся товар, обычно жаловалось на давку и недобро совестность продавцов:

– На глазах обмерил! Не то поддернул! Хороший ситчик выбирала, а он с другого, видно, конца отрезал: гнилой оказался.

Редкая хвалилась:

– Вижу, не добиться, наудалую пошла: выхватила у одной тетери, говорю приказчику: «Режь пятнадцать аршин!» А ему что? На аршин – да и ножницами, а та бабенка на меня налетела. Ну, а ей говорю: «Кто зевает, тот воду хлебает».

Мой отец за годы службы в солдатах побывал во многих городах. Он охотно отвечал на вопросы, говорил «при случае», но связно рассказывать не любил и, может быть, не умел.

На вопрос о городе он отвечал:

– На другие города наш не походит. Он – вроде самого главного завода. На железе родился, железом опоясался и

железом кормится.

Заметив мое недоумение, пояснил:

– Видал, сколько зимой баранины по городской дороге мимо нас провозят, а летом сколько табунов проходит? Обратно каждый, небось, продавец что-нибудь из железка везет. Топоры, пилы, подковы, котлы. И это им – самое нужное. Вот и выходит, что за железом ездили, – попутно свой товар везли. Тоже вон теперь мельниц по Исети много настроили. Думаешь, почему? Не больно у нас хлебная сторона, больше прииски и рудники. Хлеб с других мест привозят, потому как тут железная дорога подошла, а ее ведь за железком провели.

На нашей улице жил дедушка Платон. Он называл себя отставным мастеровым казенных заводов и получал какой-то «пензион». Доживал дедушка Платон свои дни «при внучке», которая вышла замуж за сысертского доменщика Пролубщикова.

Старик смог выдержать тридцать лет военно-каторжной работы на заводе и теперь хвалился:

– Солдатское житье супротив нашего – вроде разгулки. Потому солдат не каждый день кровь проливает, а на заводе чуть что, ложись! Так исполосуют, еле жив останешься.

О городе дедушка Платон говорил:

– Другого такого по всей нашей земле не найдешь. В прочих городах, известно, всегда городничий полагается и другое начальство тоже, а у нас – один горный начальник. И никто ему не указ, кроме самого царя да сенату. Губернатор ли

там, исправник – ему ни при чем. Что захочет, то и сделает. Такое ему доверие дано. Горный начальник тут всеми поворачивал. Строгость была, не приведи бог. Теперь приснится, так испугаться можно.

Потом я узнал, что действительно в «горном уставе» была специальная статья, гласившая, что горное управление, «кроме высочайшей власти и правительствующего сената ни от кого никаких указов не получает». Горному управлению даже предоставлялось право производства в чины до девятого класса включительно.

В летнюю пору, во второй половине июня старого стиля, городская жизнь отражалась на нашем заводе в виде «трудников» и конских табунов. В это время женский монастырь справлял свой годовой праздник, тогда же проходила конская ярмарка.

«Трудники», чаще всего старики и старухи, проходившие на богомолье, не привлекали ребячьего внимания. Зато прохождение табунов представляло много соблазнительного. Жившие в стороне от Челябинского тракта тогда по целым дням толпились около Зареченского моста, чтоб не пропустить какой-нибудь из проходивших табунов. Взрослое мужское население тоже было неравнодушно к этим табунам, и, кому только можно было отлучиться, все «присматривали из проходящих». Порой кричали:

– Эй, знаком! Продай вон ту гнедую. Во втором ряду, справа четвертая.

Все заранее знали, какой будет ответ:

– Нильзя, друг! Ярманкам гуляй. Город цина давал. Наиболее заинтересованные пытались урезонить:

– Да что город! Деньги сейчас даю. Сколько просишь-то?

Ответ, однако, оставался неизменным:

– Ярманкам ходи! Город цина давал.

Наседание на табунщиков усиливалось, когда проходил «отборок» – табун иноходцев, и достигало предела при прохождении одномастки. Об этом как-то узнавали заранее, и прилегающие к тракту улицы густо заполнялись зрителями. Стояли часами, боясь пропустить это редкое по красоте зрелище, когда проходило несколько сот лошадей, почти не различимых одна от другой по масти.

Заводские подрядчики, имевшие деньги и большой азарт, начальство, купцы наперебой соблазняли табунщиков разными обещаниями «продать любую». Было забавно и чем-то приятно слышать, что все эти посулы богатых лошадников разбивались тем же:

– Ярманкам гуляй. Город цина давал.

Нас, ребят, больше всего занимало, кто может в городе купить столько лошадей. После ярмарки опять дежурили у моста, чтобы посмотреть, много ли лошадей пройдет обратно. Но картина была обычно такая: гнали «махан» – старых, «изробленных» или покалеченных лошадей – с расчетом подкормить в степи и забить на мясо.

Взрослые на вопрос, куда так много лошадей покупают в

городе, объясняли:

– Многолюдство же там. Со всех заводов железо туда возят. На одном железном кругу сколь лошадей изводится. На ярмарке эти люди, которые железо возят, вот и покупают лошадку. Где больше свеженькую-то доступишь!

Все эти объяснения казались неудовлетворительными. Каждому из ребят хотелось самому побывать в городе, посмотреть своими глазами. Особенно манила невиданная «чугунка», как тогда даже в учебниках звали железную дорогу.

Мой отъезд в город на учебу был для ребят нашей улицы большим событием. Все давно знали, что Чернобородый, как ребята звали уездного ветеринарного врача Алчаевского, «берется выучить Егоршу в городе», но все же полной веры этому не было.

– Может, еще раздумает. Мало ли большие обещают?

Теперь это определилось окончательно. Ребятам всей улицы было известно со всеми подробностями:

– Завтра Егорша поедет. В десятом часу. С отцом, с матерью. На дедушковом Чалке, в гоглевском коробке. Дрожки-то у них рябиновые. Сам старик Гоглев делал. Качкие! Егорша до городу сам править будет.

По такому случаю накануне были «прощальные игры». Вечером долго засиделся со своими «заединщиками». Петька откровенно завидовал:

– Не к рукам куделя! Мне бы поехать! Это бы так точно.

Знал бы, на какое место поглядеть!

Такое хвастовство в обычных условиях встретило бы ожесточенный отпор, вплоть до рукопашного, но теперь воспринималось вяло. Кольша помалкивал, только при прощании сказал:

– Первым делом чугунку погляди и железный круг тоже. Потом расскажешь.

Дома тоже было невесело. Отец, вернувшийся позднее меня, сразу заметил унылое настроение и пошутил:

– Что-то наш городской притуманился. Того и гляди: либо нос зачешется, либо в глаза порошинка попадет.

Бабушка, считавшая эту затею с учебой в городе «немысленным делом», воспользовалась случаем напоследок отговорить:

– Легкое ли дело из своего места в чужие люди поехать. Да еще в этакое страховитое! Я вон восьмой десяток считаю, а в городе только два раза была. Натерпелась страху-то. А тут на-ко что придумали. Десятилетка одного в городе оставить! Наговорил тебе Чернобородый четвергов с неделю. Слушай его!

Он хоть и ладный, а все-таки вроде барина. Досуг ему за Егорушкой приглядывать. Да и жена, поди-ко, у него есть. Как еще взглянет?

Видя, что речи остаются без ответа, бабушка переменила прицел:

– Чего молчишь? Не смеешь против грамотейки своей

слова вымолвить?

Нашептала она тебе?

Перекоры по поводу моей учебы случалось слышать не раз. Обычно бабушка «стращала»: «заблудится», «стопчут лошадями», «оголодает», «худому научат». Мама старалась доказать свою правоту, ссылаясь на пословицы: «Ученье – свет, неученье – тьма», «Без грамоты, как без свечки в потемках» и так далее.

Несмотря на резкий и откровенный вызов, мама на этот раз смолчала, и от этого ей стало еще тяжелее. Отец, привыкший строго держаться принятого решения, даже укорил:

– Радоваться надо, а она реветь собралась!

Обратившись к бабушке, попросил:

– Не встревай, мать, в это дело. Сами не железные. Понимаем, сколь сладко одного парнишку из дому отпустить, а надо. Время такое подошло. Без грамоты ходу нет.

Бабушка махнула рукой и, выходя из избы, проворчала:

– Больно умные стали! Своей крови им не жалко!

По уходе бабушки отец примирительно сказал:

– Старый человек – не понимает.

Мама кивнула головой и подтвердила:

– Жалко ей с Егоранькой расстаться.

Мне приятно, что мама не сердится на бабушку. Чтоб закрепить это, добавляю:

– Это она так. Потом перестанет. Как на рождество домой приеду, по-другому заговорит.

Неожиданно вмешивается отец:

– Ты что это, милый сын? Не успел уехать, а о рождестве думаешь! Этак не годится. Коли за дело берешься, так о нем и думай! Тебя, может, не примут вовсе.

Это напоминание встревожило. Представилась картина экзаменов. И вдруг в самом деле не выдержу? Может, не ездить? Бабушка вон как страшно рассказывает. А чугунку поглядеть? Железный круг? Петька что скажет, коли узнает, что струсил? Эта мысль о петькиной насмешке, помню, была последней в решении вопроса. Больше не колебался. Хотелось только уговорить бабушку, чтобы не плакала и маму не укоряла. Направился к выходу. Отец проговорил вслед:

– Сходи-ко, пошепчись с бабушкой. Надолго ведь разлучиться приводится.

Бабушка оказалась на любимом своем месте, на высоком крылечке амбарушки. Как видно, ждала меня. Крепко прижала к себе и тихонько всхлипнула:

– Ты, Егорушко, не вини меня, старую. Отец с матерью, поди, не худого тебе желают, а только жалко мне, не могу себя сдержать. Вовсе, видно, остарела.

Слова говорились сквозь слезы, но действовали на меня успокоительно. Больше всего меня как раз смущало, что мой постоянный ласковый друг – бабушка была против ученья. Теперь я слышал другое, и это меня радовало. Я стал повторять то, что говорила мама при столкновениях с бабушкой: «Ученье-свет…», «Без грамоты, как без свечки…» И было

непривычно, что бабушка соглашалась с тем, что постоянно вызывало ее возражения. Кончилась наша беседа обычно:

– Постой-ко, дитенок, оголодал, поди? Утром заторопился к ребятам, плохо ел, а обед пробегал. Пойдем, покормлю. Оставлено у меня в печке. Похлебаешь горяченького, да и спать. Завтра хоть не рано выезжать, а все лучше вовремя-то выспаться.

Волнения дня закончились крепким ребячьим сном. Проснулся позднее обычного и был огорчен, что отец уже ушел за лошадью.

Хотел бежать вдогонку, но мама удержала:

– Давненько ушел. Того гляди, подъедет. Так и вышло. Только выбежал на улицу, как мои «заединщики», стоявшие на углу, закричали:

– Едут, едут! Дедушко тоже. Проводить тебя захотел!

Дедушка, как всегда, прищучивает:

– Вовсе сам надумал учиться. С Егоршей поеду. Поглядим еще, кого примут. Забыл вот только, сколь пятаков в девяти гривнах.

– Восемнадцать, – дружно ответили мы всей тройкой.

– Вишь ты? – сделал удивленное лицо дедушка. – А я считал – без гривенника рубль.

Приезд был сразу замечен по всей улице, и вскоре около нашего дома собралась толпа ребят – моей ровни и малышей. Всем интересно было взглянуть как «Егорша поедет». Для меня тоже это был первостепенный вопрос, заслонивший все

остальное. Как-никак надо было выехать не хуже людей, а дедушкин Чалко не отличался честолюбием по части бега, не стремился показывать резвость, да и не по годам ему это было. Даже дедушка, крепко любивший своего старинного друга, не решался приписывать ему беговые качества, называл Чалка «шаговой лошадью». Причем, конечно, давалась сравнительная оценка:

– Которые вон и рысью бегут, да мелко шагают. На то же и выходит. А мой податно идет. Хоть в гору, хоть под гору – ему все едино – на воз не оглянется.

Это была явная неправда. Я хорошо знал, что под гору Чалко любил поскакать козлом, а на гору поднимался охотно лишь с разбегу, а дальше начинались длительные остановки. И хуже всего, что дед отвергал употребление хлыста «для этакой-то лошадки». При таких условиях подумаешь, как быть, а Петька еще наговаривает:

– Припусти, Егорша, мимо Кабацкой-то! Пусть пылью чихнут! Припустишь?

Одна надежда была, что начало пути совпадало с дорогой к дому, куда Чалко шел всегда оживленно. Может быть, хоть этим удастся прикрыться, а то обвинят в полной неспособности к кучерскому делу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.